

И прежде чем Хо Ли успел что-либо сказать, он увидел, как Чу Цин повернулся, зашёл в комнату и выкатил два чемодана.

— Господин Хо, этот... — Чу Цин неловко замолчал, лишь указав на чемоданы.

Хо Ли: «...»

Затем Чу Цин снова зашёл в комнату, выбежал, неся одеяло и подушку Хо Ли, и посмотрел на него.

Хо Ли: «...»

У Хо Ли возникло ощущение, будто он — брошенная жена, которую злая свекровь и муж-подлец вышвыривают из дома.

— Ладно, — приподнял бровь Хо Ли, подошёл, взял одеяло и подушку, развернулся и вышел за дверь.

— Прощай, Цин Бао.

Чу Цин: «...»

Кажется, что-то не так?

Чу Цин ошеломлённо сел на диван, ошеломлённо вытирая волосы.

Десять минут спустя.

— Дзинь-линь! Дзинь-линь—!

Внезапно раздался резкий звонок дверного звонка, Чу Цин вздрогнул от испуга и поспешил открыть дверь.

У двери стояла пара соседей средних лет, семейство Шэнь.

Увидев Чу Цина, тётя Шэнь тут же закричала на всю глотку:

— Молодой человек...! Это уже слишком!

Чу Цин: «...?»

Дядя Шэнь тоже прикрикнул:

— Какая же может быть вражда между супругами до утра?! Поспорили — так и помириться можно, зачем до такого доходить?? Молодёжь — сплошная импульсивность, не могут сдержать свой характер!

Чу Цин: «????»

И тут Чу Цин всё понял.

Хо Ли расстелил то одеяло недалеко от их двери в коридоре, прислонившись к стене, жалобно свернувшись калачиком, — настоящая картина того, как домашняя тиранша выгнала его ночевать на улицу.

Жалко, и ещё как жалко.

А Хо Ли, увидев Чу Цина, ещё и помахал ему рукой, дружелюбно улыбнувшись.

Чу Цин: «.....»

??? !

Тётя Шэнь покачала головой:

— Так нельзя! Между супругами ссоры — дело естественное, нужно проявлять больше терпения и снисхождения...!

Чу Цин покраснел с лица до шеи, подбежал к Хо Ли, выхватил у него подушку и одеяло, и снова забежал обратно в дом, даже не закрыв дверь.

Увидев, что Хо Ли не реагирует, Чу Цин, стоя у двери с красным лицом, тихо прикрикнул:

— Быстро, быстро возвращайся!

Господин Хо слишком перегибает палку...!

Чу Цину было не только стыдно, но и до смерти жалко — на улице ведь так холодно.

— Хорошо.

Хо Ли лучезарно улыбался.

— Теперь это ты сам позвал меня войти, больше не выгоняй, — сказал Хо Ли, наблюдая, как Чу Цин пытаясь заносит его постельные принадлежности обратно в дом, скрестив руки на груди и приподняв бровь. — Сегодня ночью я буду выполнять свои обязанности, обнимая тебя во сне.

— ...? — Чу Цин широко раскрыл глаза.

Что это за обнимания?

Хо Ли сел на диван, жалобно обняв себя за плечи и потирая их.

— Замёрз на улице, чуть не околел, нужно обниматься, чтобы уснуть.

— ...

В глазах Чу Цина промелькнула тень вины, а затем он словно что-то вспомнил.

Нет, погоди.

Чу Цин сказал:

— Я, я не выгонял вас, я предлагал вам переехать. Вы должны поехать к себе домой или в отель!

— Мой дом заложен за долги, а на отель лишних денег нет, — вздохнул Хо Ли. — Вы, спонсор-папочка, не ведающий мирских страданий, выгнали меня, и что же мне теперь делать?

— ...

Чу Цин сказал:

— Вы с господином Панем как братья, он может вам помочь, вы можете пожить у него.

— Господин Пань...

Хо Ли почесал подбородок.

— Ты же не знаешь, старина Пань, хоть и в годах, но любит погулять, каждый день приводит к себе домой красоток и красавцев. Сегодня страстных, завтра невинных.

Хо Ли подумал, что это не враньё, старина Пань и правда такой, в конце концов, он ведь не женат.

Чу Цин замер.

А?

— Если я перееду туда... каждый день буду видеть такие картины, вдруг я тоже испорчусь? Вдруг я не сдержусь и тоже...

Не успел он договорить, как рот Хо Ли закрыла ладонь Чу Цина.

Чу Цин с покрасневшими ушами спросил:

— Больше никого нет?

Хо Ли вздохнул:

— Нравы падают, сердца людей черствеют... Одинок и беспомощен, как одинокая жердь, трудно устоять.

— ...

— Конечно, если начальник твёрдо решил меня выгнать, то мне придётся переехать к старине Паню.

Чу Цин осторожно спросил:

— А эти красавцы...

— Этого я гарантировать не могу, в конце концов, мужчины, ты же понимаешь, все не могут контролировать свою нижнюю половину, — развёл руками Хо Ли, прямо-таки подлец.

— ...

— Ладно, вижу, начальник твёрдо решил, я сейчас же перееду к старине Паню.

— Не надо...!

Хо Ли уже собрался встать, как Чу Цин тут же подскочил и схватил его за руку.

— М-м? — приподнял бровь Хо Ли.

— Нельзя... нельзя идти, господин Хо не должен портиться, — с серьёзным видом заявил Чу

Цин. — Господину Хо лучше остаться здесь.

— Хорошо, — послушно ответил Хо Ли.

— Тогда... — помолчав, Хо Ли улыбнулся. — Мне так холодно, в коридоре сквозняк особенно сильный.

— ...

— Не веришь? Обними.

Чу Цин нахмурился, замер на мгновение, но всё же послушно подошёл и обнял Хо Ли, обхватив его руками за талию и прижавшись.

— Врёшь, — прошептал Чу Цин, потираясь щекой. — Тёплый.

Сердце Хо Ли забилося чуть быстрее, он смотрел на Чу Цина, не говоря ни слова.

Чу Цин, кажется, что-то осознал, и поспешно поднялся.

— Правда холодно, не веришь — потрогай, — Хо Ли приподнял край одежды, обнажив часть пресса, и, указав на свой живот, усмехнулся. — Кожа холодная.

— ...

Чу Цин больше не поддавался на уловки, поспешно отвёл взгляд.

— Спокойной ночи... господин Хо.

— Спокойной ночи, не забудь принять лекарство.

— М-м.

...

Спустя несколько дней начались съёмки «Всестороннего юного айдола».

Первые два выпуска были оценкой участников, наставники сидят в ряд, смотрят выступления участников, позволяя им и зрителям понять уровень способностей и сильные стороны участников, после чего распределяют по классам от А до F.

Прибыв на съёмочную площадку, Чу Цин увидел, что Ло Юйчэн и другие ассистенты уже давно пришли, вероятно, младшие коллеги не смели важничать, и их график был не таким напряжённым.

— Учитель Чу!

Сидящий рядом с Чу Цином Ло Юйчэн с улыбкой поздоровался с ним.

Чу Цин лишь формально ответил.

Эта программа выходила еженедельно, и хотя существовала проблема монтажа, на площадке иногда велась прямая трансляция на платформе, что можно было считать предварительным просмотром сырого материала, позже съёмочная группа также загружала полную версию

записи. Поэтому команда Чу Цина не слишком беспокоилась, это всё же лучше, чем программа, полностью зависящая от монтажёров.

В этот момент съёмки ещё не начались, наставники и ассистенты постепенно прибывали, а участники за кулисами делали последние приготовления.

— У учителя Чу сегодня красивая одежда, — похвалил Чу Цина Ло Юйчэн. — Учитель Чу становится всё красивее и сияет здоровьем.

— Ой-ой-ой, и из собачьей пасти может выпасть слоновая кость?

Чу Цин не успел ответить, как увидел стремительно входящего Юй Вэйси.

Юй Вэйси сел и, искоса глядя на Ло Юйчэна, сказал:

— Оказывается, кроме гавканья, ты ещё и говорить умеешь, а то можно подумать, что ты действительно человек.

Чу Цин изо всех сил сдерживал смех.

Лицо Ло Юйчэна слегка побелело.

Юй Вэйси добавил:

— Вышесказанное не относится ни к кому конкретно.

Сказав это, Юй Вэйси взглянул на спокойно сидящего в стороне и читающего электронную книгу наставника актёрской группы — киноимператора Фэн Яня, бровь которого дрогнула.

— Киноимператор Фэн, только не жалейте его.

Юй Вэйси всегда был таким, своевольным, говорил что хотел, даже перед камерами вёл себя так же.

Фэн Янь слегка нахмурился, отложил телефон и поднял взгляд на Юй Вэйси, безразлично произнёс:

— Кого мне жалеть, тебя?

Высокий мужчина в строгом костюме, полный благородства, черты лица мужественные, но не лишённые изящества, сейчас говорил степенно и вежливо.

— ...! — Уши Юй Вэйси покраснели, он фыркнул и отвернулся.

Рядом Ло Юйчэн слегка нахмурился.

Чу Цин: «...»

Опять начинается, опять, поле боя.

Чу Цин опустил голову, вжался в кресло, делая вид, что ничего не знает.

Через некоторое время все собрались, продюсер Лу Цзянь хлопнул в ладоши и с улыбкой сказал:

— Начинаем, давайте поприветствуем первую группу выступающих участников.

Первой выступила мужская группа, общий уровень средний, без особых достоинств и недостатков.

Затем один за другим выходили участники.

Лу Цзянь был дружелюбным человеком, нестрогим в работе, просто собирал оценки преподавателей, а затем объявлял, утешая тех, чьи результаты были не очень хорошими.

Юй Вэйси был резким и трудным в общении, но ставил оценки щедро, в основном В, а тем, кто хорошо танцевал, давал А.

Но Чу Цин был другим, он почти не ставил А, да и В было немного.

— Учитель Чу очень строг, — улыбнулся Лу Цзянь. — Ведь эти ученики новички, естественно, им не достичь уровня певца.

Чу Цин замер, кивнул.

У него были свои принципы, Чу Цин считал, что нужно честно ставить оценки, нельзя обманывать, хорошее — это хорошее, плохое — это плохое, иначе это осквернение музыки.

<http://bllate.org/book/15588/1395604>